

ISSN 1026-5627

Русский
орнитологический
журнал

2019
XXVIII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1845
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXVIII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2019 № 1845

СОДЕРЖАНИЕ

- 5177-5185 Константин Владимирович Лауниц (1885-?) –
член Русского орнитологического комитета.
Е. Э. ШЕРГАЛИН
- 5186-5197 Саджа *Syrrhaptes paradoxus*.
К. Н. РОССИКОВ
- 5197-5200 Наблюдения над жизнью птиц в неволе: поползень
Sitta europaea. К. В. ЛАУНИЦ
- 5201-5202 Наблюдения над жизнью птиц в неволе: свиристель
Bombycilla garrulus. К. В. ЛАУНИЦ
- 5203-5206 Гнездо в чайнике и другие интересные случаи гнездования
горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochrurus*.
Н. П. КНЫШ
- 5207-5209 Утепление гнёзд домовым *Passer domesticus* и полевым
P. montanus воробьями осенью. В. А. АНДРЕЕВ
- 5209-5211 Новое свидетельство питания фифи *Tringa glareola*
сеголетками озёрной лягушки *Rana ridibunda*.
Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, И. Р. РОМАНОВСКАЯ
- 5212-5213 Значение овражно-балочных систем для птиц
современной лесостепной зоны. А. С. БОНДАРЁВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2019 № 1845

CONTENTS

- 5177-5185 Konstantin Vladimirovich Launitz (1885-?) –
a member of the Russian Ornithological Committee.
E . E . S H E R G A L I N
- 5186-5197 The Pallas's sandgrouse *Syrhaptus paradoxus*.
K . N . R O S S I K O V
- 5197-5200 Observations of captive bird life: the nuthatch *Sitta europaea*.
K . V . L A U N I T Z
- 5201-5202 Observations of captive bird life: the Bohemian waxwing
Bombicilla garrulus. K . V . L A U N I T Z
- 5203-5206 Nest in the teapot and other interesting cases of nesting
of the black redstart *Phoenicurus ochruros*. N . P . K N Y S H
- 5207-5209 Building nests by the house *Passer domesticus*
and field *P. montanus* sparrows in autumn.
V . A . A N D R E E V
- 5209-5211 New evidence of predation by the wood sandpiper *Tringa*
glareola on yearlings of the marsh frog *Rana ridibunda*.
N . N . B E R E Z O V I K O V ,
I . R . R O M A N O V S K A Y A
- 5212-5213 The value of gully and arroyo systems for birds
in the modern forest-steppe zone. A . S . B O N D A R E V
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Константин Владимирович Лауниц (1885-?) – член Русского орнитологического комитета

Е.Э.Шергалин

Евгений Эдуардович Шергалин. Мензбирское орнитологическое общество. E-mail: zoolit@mail.ru

Поступила в редакцию 11 октября 2019

Одним из членов-сотрудников Русского орнитологического комитета был Константин Владимирович Лауниц (1885-?), о котором до недавних пор мы не знали почти ничего. Теперь благодаря архивам и сети Интернет появилась возможность хотя бы частично восстановить его судьбу.

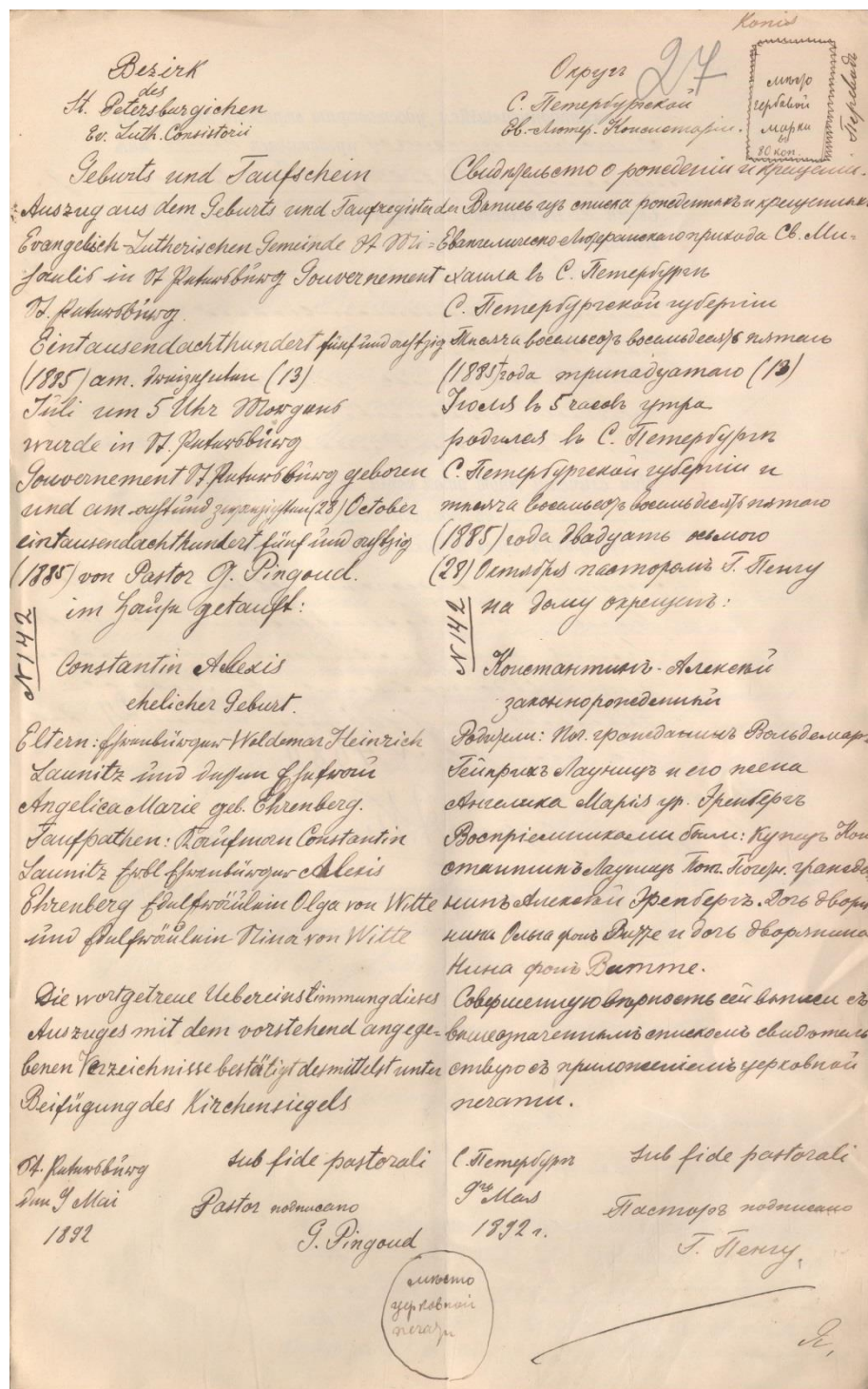

Фотопортрет Константина Владимировича Лауница.

Этот и все последующие документы в статье взяты из его личного дела в ЦГИА СПб. Фонд 14. Опись 3. Дело 43410. Лауниц Константин Владимирович.

Полное имя нашего героя – Константин Алексей Вольдемар-Гейнрихович Лауниц. Он появился на свет в 5 часов утра 13 июля 1885 года в семье обрусевших прибалтийских немцев: почётного гражданина Санкт-Петербурга Вольдемара-Гейнриха Лауница и его супруги Ангелики Марии, урожденной Эренберг, в столице Российской империи

городе Санкт-Петербурге. 28 октября того же года он был крещён в лютеранскую веру на дому пастором евангелическо-лютеранской церкви Святого Михаила Гуйдо Пенгу (1851-1914).

Копия свидетельства о рождении и крещении
Константина Владимировича Лауница от 9 мая 1892 года.

Отец Константина Вольдемар Лауниц (Launitz) родился 7 марта 1847 года в многодетной семье прихожан церкви Св. Михаила – Карла Вильгельма Лауница и его жены Анастасии, в девичестве Кранц. Глава семьи был купцом 3-й гильдии и бракером древесных масел (бра-

Таким образом, Костя вместе с братом Владимиром и сёстрами Дагмар и Ангеликой рос и воспитывался в обстановке почёта и уважения к его родителям.

В 1903-1905 годы Костя три года учился в частной гимназии Видемана. Эта гимназия предназначалась для детей прибалтийских немцев лютеранского вероисповедания и до 1918 года располагалась на третьем этаже дома № 46 на 9-й линии Васильевского острова. За годы учёбы Костя показал отличное поведение, достаточную исправность в посещении и приготовлении уроков, в исполнении письменных работ, удовлетворительное прилежание и одинаковую по всем предметам любознательность. Что касается обнаруженных познаний, то, как видно из аттестата зрелости от 28 мая 1905 года, результаты его учёбы были далеки от идеальных и учение давалось ему непросто.

Гимназия и реальное училище Видемана на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, где учился К.В.Лауниц.

Сразу после окончания частной гимназии доктора Видемана Константин поступил на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Как видно из приложенного документа, его учёбу в университете также нельзя назвать гладкой. Константин несколько раз прерывал обучение, а затем вновь восстанавливался. Так, в августе 1905 года он был зачислен в университет, но в апреле 1906 года согласно прошению был уволен, затем в осеннее полугодие 1906 года вновь был принят на то же отделение и факультет, на каковом состоял по осеннее полугодие 1912 года включительно и слушал лекции в течение весны и осени 1906/07 года и далее, пока не был уволен как не внёсший плату за весеннее полугодие 1913 года на основании 126-й статьи университетского устава.

На свидетельстве, выданном Константину Правлением Петербургского университета от 7 мая 1913 года, есть записи о том, что командировочное свидетельство было выдано Императорским Обществом естествознания от 15 апреля 1910 года за № 632 (видимо, для поездки на Кавказ) и Константин был уведомлён Императорским Обществом акклиматизации животных и растений о получении за труды по изучению жизни птиц бронзовой медали 7 мая 1913 года. На том же документе есть приписка, что ректор пересмотрел своё решение и 20 августа 1912 за № 32649 Константину было разрешено остаться в Университете до мая месяца 1913 года.

Во время учёбы в университете Константин содержал разных птиц в неволе и проводил наблюдения за ними. Результаты этих наблюдений он опубликовал в 1911 году в «Охотничьей Газете» и в журнале «Птицеведение и птицеводство».

Наблюдения Константина за поведением при полувольном содержании и предпочтениями в кормах охватывают следующие виды птиц: большого пёстрого дятла, снегиря, сорокопуга-жулана, поползня, свистящего. Автор в этих статьях демонстрирует явные литературные дарования: они написаны образным живым языком, с юмором, легко и с интересом читаются. К.В.Лауниц предстаёт перед нами пытливым наблюдателем и творческим экспериментатором. Первый питомец Константина (большой пёстрый дятел) был получен им в начале лета 1903

года, то есть когда автору шёл 18-й год. К.В.Лауниц доложил о своих 7-летних наблюдениях по содержанию птиц в неволе на совместном заседании Отделения орнитологии и Клуба любителей певчей и другой вольной птицы 11 ноября 1910 года.

В следующем году вместе со своим другом и напарником по первой серьёзной экспедиции С.Ф.Царевским он сначала публикует предварительное сообщение о поездке на юго-западное побережье Чёрного моря в качестве отчёта о командировке в трудах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, а потом уже только под своим именем выпускает большую статью на 40 страниц – «Материалы для орнитофауны Черноморского побережья Кавказа», которая вышла в журнале «Птицеведение и птицеводство». Эти материалы доложены К.В.Лауницем на совместном заседании Отделения орнитологии и Клуба любителей певчей и другой вольной птицы 12 октября 1912 года. Благодаря материальной поддержке со стороны Петербургского общества естествоиспытателей и Зоологического комитета Санкт-Петербургского университета К.В.Лауницу удалось летом 1911 года провести зоологические исследования на побережье Чёрного моря от Адлера до Сухума и, кроме того, в окрестностях Батума. За всё время его исследований ему удалось наблюдать 101 вид птиц и собрать коллекцию из 106 экземпляров. В этой статье К.В.Лауниц, несмотря на юный возраст, предстаёт уже хорошо подготовленным орнитологом, прекрасно разбирающимся в птицах и склонным к биогеографическому анализу.

О товарище и коллеге Константина в этой поездке – Сергее Фёдоровиче Царевском (1887-1971) – стоит сказать несколько слов отдельно. Жизненный путь Сергея Фёдоровича уникален. В 1922 году он из политически нейтральной зоологии перешёл в гонимую новой большевистской властью религию. Родился он в 1887 году в Минске и окончил Петербургский университет, где был учеником К.М.Дерюгина. Он занимался в Отделе ихтиологии и герпетологии Зоологического музея Академии наук с 1913 г. Отделом руководил тогда Л.С.Берг, а его герпетологической частью – А.М.Никольский, позднее перебравшийся в Харьков. После выделения Герпетологического отдела его возглавил С.Ф.Царевский (1915-1929) (Терентьев, 1957), опубликовавший, в частности, статьи по систематике удавчиков (*Eryx*) (Царевский, 1915) и круглоголовок (*Phrynoscephalus*) (Царевский, 1926)» (Гаранин 2009). Одновременно с научной деятельностью Сергей Фёдорович был рукоположен в сан дьякона ещё в 1922 году. Он служил дьяконом и протодиаконом (с 1930 года) в Моисеевской церкви на Пороховых в Ленинграде. 28 декабря 1930 года С.Ф.Царевский был обвинен в «участии в контрреволюционной монархической церковной организации» и осуждён 8 октября 1931 года Коллегией ОГПУ на основании статьи 58-10 УК РСФСР к 5 годам исправительно-трудового лагеря (Архив УФСБ

по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-83017). После освобождения из лагеря он перебрался в Казань и больше зоологией не занимался, если не считать одной статьи, написанной по просьбе В.И.Гаранина и опубликованной в 1964 году. Валерию Ивановичу Гаранину удалось выяснить, что С.Ф.Царевский пел в церковном хоре и был дьяконом кладбищенской Куртинской (Арской) церкви до своей смерти. Скончался Сергей Фёдорович Царевский 21 марта 1971 года в Казани (Гаранин 2009).

Однако вернёмся к Константину Владимировичу Лауниц. Известно, что в 1912-1914 годах он в числе первых орнитологов в России занялся кольцеванием птиц (Рахилин 2001). Благодаря архивным изысканиям В.К.Рахилина также известно, что К.Лауниц в 1913 году взялся организовать пункты для кольцевания птиц по берегу Финского залива от Петербурга до Сестрорецка, но результаты пока найти не удалось. По крайней мере, в 1912 году зоологический кабинет Петербургского университета получил от Отделения орнитологии Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений 45 колец Росситенской станции, которыми мог кольцевать Лауниц (а также Нестеров под Псковом). П.В.Нестеров, который был лишь на два года старше Лауница, обследовал черноморское побережье Кавказа годом раньше Константина – в 1910 году. По всей вероятности, они были хорошо знакомы друг с другом.

К сожалению, несмотря на предпринятые поиски, сведениями после 1914 года о К.В.Лаунице мы не располагаем.

«Snake charming» – фотография Владимира, младшего брата Константина Лауница, в номере австралийского журнала «The Australasian» от 17 декабря 1938.

Его младший брат Владимир Владимирович Лауниц (1891-1956) эмигрировал в Австралию, а затем в второй половине 1930-х годов пе-

ребрался в Великобританию. В Русском Зарубежье он стал известным дирижёром, музыкантом и похоронен под Лондоном. Как и Константин, Владимир интересовался зоологией, содержал змей и был известным герпетологом-любителем. В журнале «The Australasian», выходившем в Мельбурне, в номере от 17 декабря 1938 года на странице 47 был опубликован снимок Владимира Лауница со змеей в руках.

Родные сёстры Константина Дагмар и Ангелика вышли замуж за кузенов и эмигрировали в Англию. Среди раненых или погибших в Первую мировую войну Константина Лауница нет. По сведениям историка С.В.Волкова, одиннадцать представителей рода Лауницев воевали на стороне Белого движения.

Дальнейшая судьба Константина Владимировича Лауница пока остаётся нераскрытой тайной.

Автор выражает благодарность В.П.Белику (Ростов-на-Дону), В.Г.Высоцкому, В.Г.Пчелинцеву, М.Т.Валиеву (Санкт-Петербург) и Цветане Спасовой (Сидней, Австралия) за помощь в подготовке данного биографического очерка.

Орнитологические публикации Константина Владимировича Лауница

- Лауниц К.В. 1911. Наблюдения над жизнью птиц в неволе // *Охотничья газета* 13: 147-149.
- Лауниц К.В. 1911. Наблюдения над жизнью птиц в неволе // *Птицеведение и птицеводство* 2, 1: 56-62; 3/4: 4-10.
- Лауниц К.В., Царевский С. 1912. Предварительное сообщение о поездке на юго-западное побережье Чёрного моря. (Отчёт о командировке) // *Тр. С.-Петерб. общ-ва естествоиспыт.* 43, 1: 315-322.
- Лауниц К.В. 1912. Материалы для орнитофауны Черноморского побережья Кавказа // *Птицеведение и птицеводство* 3, 3/4: 1-40.

Литература

- Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-83017.
- Гаранин В.И. 2009. Зоологи: фрагменты биографий // *Изв. Самар. науч. центра РАН. Биол.* 11, 1/4: 808-809.
- Рахилин В.К. 2001. Организация кольцевания птиц в России // *Кольцевание и мечение птиц в России и сопредельных государствах 1988-1999 гг.* М.: 27-43.
- Терентьев П.В. 1957. Материалы к истории отечественной герпетологии // *Тр. Ин-та истории естествознания и техники* 16, 3: 97-122.
- Царевский С.Ф. 1915. Обзор представителей степных удавов (*Eryx*), главным образом из России и сопредельных стран // *Ежегодник Зоол. музея Акад. наук* 20: 340-388.
- Царевский С.Ф. 1926. К систематике и распространению ящериц из рода *Phrynoscephalus* (Reptilia) // *Докл. АН СССР*: 119-122.
- Царевский С.Ф. 1964. К систематике ящериц из рода круглоголовок // *Вопросы герпетологии*. Л.: 74-75.
- ЦГИА СПб. Фонд 14. Опись 3. Дело 43410. Лауниц Константин Владимирович.

Саджа *Syrrhaptes paradoxus*

К.Н.Росси́ков

Второе издание. Первая публикация в 1908*

В половине апреля текущего, 1908 года, едва ли не на другой или третий день по приезде в город Алёшки (Днепровского уезда Таврической губернии), я неожиданно получил от одного моего знакомого хуторянина, живущего вёрстах в тридцати от города, пару птичьих ног при записке такого содержания: «Узнав о вашем приезде в город Алёшки, посылаю подарочек. Этой диковинной птицы к нам налетело в конце марта видимо-невидимо. С каждым днём, однако, птиц становится всё меньше и меньше. Сейчас попадают лишь маленькие стайки. Не медлите, приезжайте».

С первого же взгляда особое устройство ног «диковинной птицы» дало возможность установить вид её. Это была саджа *Syrrhaptes paradoxus* (Pallas, 1773), с характерными сросшимися пальцами, покрытыми, как и плюсна, сверху пёрышками.

Саджа — редкий и загадочный гость нашего отечества. Как постоянный элемент фауны Европейской России она совершенно неизвестна. Ввиду этого появление саджи в пределах собственно Европейской России никогда не проходило незамеченным и всегда приковывало к себе внимание как учёных и охотников-натуралистов, так и местного населения. По имеющимся данным в периодической печати, в некоторых губерниях птица эта возбуждала к себе в населении не только изумление, но и суеверный страх, так как с появлением её во многих местностях нашего отечества связывается представление о близости конца мира. Поэтому не будет излишне поделиться на страницах журнала «Любитель природы» как имеющимися сведениями об этой интересной птице, так и личными над ней наблюдениями, произведёнными мной во время моих многочисленных путешествий и экскурсий по степям Каспийского и Аральского побережий, северного Кавказа и Закавказья, Туркестана, Хивинского и Бухарского ханств, а в последние годы — и по степям южной России.

★ ★ ★

Саджа по всем чертам своей организации принадлежит к отряду куриных птиц, но многие особенности в образе жизни её приближают её к голубям. Ввиду этого саджу орнитологи выделяют в особый отряд под названием рябки *Pterocletes*, в котором она составляет особый род —

* Росси́ков К.Н. 1908. Саджа (*Syrrhaptes paradoxus* Pall.) // *Любитель природы* 3, 11: 353-363.

степных курочек *Syrrhaptes*. Главный отличительный признак последних заключается в том, что в их крыле первое маховое перо на конце сильно вытянуто и странным образом заострено на кончике, так что эта часть пера скорее похожа на щетинку. Основания ступней густо покрыты кругом и до конца пальцев короткими, расчёсанными перьями. Пальцев всего три, так как заднего пальца вовсе нет. Передние пальцы очень расширены и во всю свою длину соединены перепонкой, так что ступня, если рассматривать её снизу, представляет одну сплошную подошву, покрытую роговыми бородавками.

Пара садж *Syrrhaptes paradoxus*. Слева самец, справа самка.
Атырауская область. 5 мая 2018. Фото М.Никановой.

По величине саджа не больше голубя — около 11-12 см. Отличается очень плотным сложением и по наружному своему оперению и окраске производит впечатление очень красивой и сильной птицы. У неё длинные крылья и округлое туловище, покрытое очень жёсткими перьями, которые хотя неплотно прилегают к телу, но придают ему гладкий, своеобразный вид. Ноги со сросшимися пальцами напоминают собой копытце; пальцы, как и плюсна, покрыты сверху пёрышками. Общая окраска взрослого самца сверху песчано-бурая; спина, плечевые, внутренние из второстепенных маховых, надхвостье, верхние кроющие хвоста, два средних рулевых и внутренние опахала остальных — с черно-бурыми поперечными полосками. Первостепенные маховые пепельно-серые с чёрными стволами; большая часть второстепенных маховых и кроющие первостепенных с темно-бурыми внешними опахалами и охристо-бурыми внутренними; наружные опахала рулевых, за исключением двух средних, с охряными вершинными концами и краями.

Неясное кольцо на шее и кроющие уха жёлто-оранжевые. Общая окраска нижней стороны песчано-охристая, более бледная на горле, штанах и нижних кроющих хвоста. Перья верхней части груди с узкими черно-бурыми вершинами, нижняя часть груди и брюха черно-бурая; подмышечные охристо-белые с бурыми вершинами. Клюв бурый; радужина темно-бурая.

Самка саджи *Syrrhaptes paradoxus*. Река Аягуз, северо-восточное Прибалхашье.
22 мая 2015. Фото С.Шмыгалёва.

Самка отличается тем, что поперечные полосы на верхней стороне менее резки, но зато распространяются на заднюю сторону и бока шеи и темя; жёлто-оранжевая окраска головы и шеи бледнее и на передней части шеи ограничена черноватым краем; чёрной полосы поперёк груди нет; крайние маховые и средние рулевые не так удлинены.

Саджа в фауне нашего отечества впервые описана знаменитым путешественником-натуралистом Петром Симоном Палласом в 1770 году. Паллас же указал на присутствие её в восточно-татарских степях. Последующие указания на границы её распространения сделаны профессором Эдуардом Александровичем Эверсманом, зоологом Николаем Алексеевичем Северцовым, профессором Модестом Николаевичем Богдановым и другими. Эверсман считал, что саджа живёт в степях только восточнее Каспийского моря и что уже в Мугоджарских горах она не встречается. Северцов на основании личных наблюдений и све-

дений, собранных от орнитолога Григория Силыча Карелина, указывал на нахождение саджи в степях северного побережья Каспийского моря, как к востоку от реки Эмбы, так и к западу от неё до реки Урал. М.Н.Богданов добавил к этому, что саджа обыкновенна и по всему восточному побережью Каспийского моря, в особенности на Устюрте. В позднейшее время местные наблюдатели – Яковлев (Астрахань), Генке, Миллер и др. – дали определённые сведения о нахождении её и даже гнездовании в степях, лежащих к западу от реки Урал включительно до низовьев реки Волги.

Самец (вверху) и самка саджи *Syrrhaptes paradoxus*. Кош-Агач, Республика Алтай. 3 мая 2015. Фото С.Писаревского.

Таким образом, в настоящее время распространение саджи, как постоянного элемента азиатской фауны, определяется пределами киргизских степей в Арало-Каспийской низменности, в восточном Туркестане, в Монголии и Даурии; причём западная граница этой области

не заходит за пределы реки Волги, а северная – выше 48-49° с.ш. В этой обширной области своего постоянного обитания саджа известна под различными именами, из которых главнейшие: *саджа* – у китайцев, *бульдерюк* – у киргизов, *степной рябок* – у русских; кроме того, астраханские охотники саджу называют *копыткой*.

Саджа *Syrrhaptes paradoxus* в полёте. Алматинская область. 4 августа 2019. Фото А.Исабекова.

Принадлежа к числу коренных обитателей девственных азиатских степей и пустынь, саджа вообще ещё мало изучена. Сведения об образе жизни её, о природных свойствах и проч. очень и очень отрывочны. По данным, сообщаемым Радде, Свингоэ, Богдановым, Северцовым, Карелиным и другими, известно лишь, что саджа ведёт образ жизни кочевой и осенью и зимой собирается в большие стаи. Под Гурьевым Карелин наблюдал зимой стаи в 1000 штук; в 1895 году я также зимой видел огромные стаи этих птиц в Калмыковском уезде Уральской области, близ станицы Горской. Весной и летом стаи распадаются на небольшие стайки от 4 до 10 и более штук.

Большую часть дня саджа проводит в отыскании корма, в перелётах и отдыхе. Питается саджа семенами различных степных трав, в особенности же, по замечанию М.Н.Богданова, семенами астрагалов. Отдыхает подолгу, греясь на солнце, как это делают представители куриных или голубиных. Перелёты совершает ежедневно в определённые часы – на родники и другие пресноводные водоёмы, которые зачастую находятся от мест гнездования её за сотню и более вёрст. На водоёмах саджа проводит по нескольку часов. По словам Радде, приводимым Бремом, «к таким водоёмам саджи, завидя берег, слетаются с криком со всех сторон. На крик прилетающих отзываются птицы, уже прилетевшие к воде, после чего новоприбывающие присоединяются к остальной компании. У края воды стоят рядами, большей частью в 10-12 голов. Отдых длится недолго, они скоро улетают, направляясь к белеющим в степной дали пластам соли и к маленьким, поросшим травой, холмам и там буквально едят до отвала».

Весной небольшие стайки саджи придерживаются определённых мест. Такие места чаще всего избираются ими в самых глухих и уединённых уголках степи и пустыни, по преимуществу песчано-глинистых и совершенно безводных. На этих местах они спариваются и устраивают гнёзда. По словам упомянутых выше натуралистов, уже в начале апреля саджа несётся. Гнёзда в собственном смысле слова саджа не устраивает, а кладёт яйца в вырывающиеся ямки или углубления в глине (Радде) или песке (Богданов). Радде говорит, что «гнездо саджи очень незатейливо. В пропитанной солью почве Тарай-Нора, большей частью в осушённых уже много лет тому назад местностях его, гнездо это устраивается в довольно плоском углублении, имеющем в поперечнике около 12 сантиметров. Края гнезда выстилаются побегами сальзов и травами; Впрочем, последние иногда отсутствуют». Яйца саджа кладёт, по наблюдениям одних, — в числе 4 (Радде), а по другим указаниям, — 3 (Богданов). Яйца глинисто-оливкового цвета, реже глинисто-бурого; по этому основному фону разбросаны поверхностные бурые и глубокие сероватые неправильные пестринки. Самка мало остаётся на гнезде, предоставляя развитие яиц солнечной теплоте. В лето бывает две кладки яиц: в начале апреля и в конце мая. Родители не обнаруживают особой заботливости о птенцах, и последние с первых же часов своей жизни привыкают сами заботиться о себе. Вылупляются птенцы зрячими и покрытыми густым красивым узорчатым пухом.

Птенцы саджи *Syrrhaptes paradoxus* в гнезде.
Алтын Эмель. 13 апреля 1986. Фото О.Белялова.

Саджа, как было замечено выше, обладая длинными крыльями и округлым туловищем, отличается силой и быстротой полёта. По спра-

ведливому замечанию М.Н.Богданова, если быстроту полёта голубей определяют в 60-70 вёрст в час, то степные куропатки могут пролетать в то же время от 90 до 100 вёрст.

Пуховой птенец саджи *Syrrhaptes paradoxus*. Приаралье. 1 июня 1996. Фото О.Белялова.

Саджа издавна приковывает к себе внимание натуралистов вообще и орнитологов в частности и пользуется громкой известностью за свои периодические нашествия в Европу. Первое такое великое переселение этой птицы в Европу наблюдалось в 1863 году. В этом году саджа, как свидетельствуют многочисленные отрывочные сведения, расселилась по большинству северных стран в этой части света. Каким путём совершилось это переселение – сказать определённо, за отсутствием положительных данных из России, не представляется возможным, но собственно в западной Европе путь этот наблюдался от города Броды в Галиции до Нарана на западном берегу Ирландии и от Бискаролля на юге Франции до Торсгавена на Фарерских островах.

Переселившись в Европу, саджа удержалась здесь, однако, недолго и уже к концу 1888 года исчезли всякие её следы. Брем говорит: «очевидно, что саджи отличаются таким неудержимым стремлением к кочеванию, как номады на их родине, и что они, почувствовав желание вернуться в родные края, улетели дальше». Необходимо, впрочем, заметить, что относительно обратного переселения саджи в литературе ничего достоверного не имеется.

В 1888 году последовало вторичное вторжение полчищ саджи в Европу. В этом году распространение её было отмечено с востока на запад; причём саджа замечена была даже в Великобритании. Переселения саджи в Европу, по мнению профессора Михаила Александровича Мензбира, происходят через Европейскую Россию и совершаются та-

ким образом: «саджи прилетели к нам с востока через Киргизские степи и, достигнув Волжско-Уральских степей, рассыпались веером». Основанием к такому мнению служит то обстоятельство, что саджей не было в Tobольской губернии, как и то, что только одиночные экземпляры её попали в Уфимскую губернию, несмотря на близость таких ворот, через которые пролетели стаи бульдерюков из Азии в Европу. Что касается объяснения периодических выселений масс саджи в Европу, то, по мнению М.А.Мензбира же, такой причиной служит бескормица, которой предшествуют годы, благоприятствующие размножению этой птицы. Существуют, впрочем, и другие взгляды. Полагают, например, что так как саджа попадает в Европу весной, то птица эта на весеннем перелёте, возвращаясь на родину после своих зимних кочёвок, ошибается направлением.

В текущем, 1908 году произошёл по счёту третий массовый вылет саджи из своей родины – Азии. По сообщению многих газет и журналов, прилёт саджи в этом году начался в первых числах апреля, шёл, прогрессивно увеличиваясь, до середины месяца, а в мае достиг наибольшего протяжения. «Охотничий вестник» сообщает, что саджу наблюдали в этом году у нас в Европейской России: в Харькове, Курске, Самаре, в окрестностях Тулы, около Киева; в губерниях Волынской, Харьковской, Самарской, Московской (близ Коломны), в Курляндии, в Таврической и Екатеринославской; вне Европейской России, в государствах западной Европы, по сведениям того же журнала: в Далмации, Галиции, Венгрии, Крайне, Боснии, Пруссии (провинция Познань и остров Гельголанд), Англии и др. В перечисленных частях европейского материка и повсеместно саджа наблюдалась на прилёте в течение апреля и мая месяцев. Наблюдения сводятся к тому, что саджа пролетала большими или малыми стаями, встречаясь в степях (Румыния), в лесах (Германия) и на полях и посевах в других местностях перечисленных государств. До настоящего времени, насколько я имел возможность просмотреть доступные мне периодические издания за текущий, 1908 год, я не встречал каких-либо дополнительных сведений об этой птице, в особенности о гнездовании её в нашем отечестве или в западной Европе.

Обращаясь к личным моим наблюдениям, я позволю остановить внимание читателя на нижеследующем.

Впервые я имел случай познакомиться с саджей в прикумских степях северного Кавказа зимой 1884 года. Здесь эта птица нередка, но встречается только зимой. Держится она большими стаями – в 40-50 штук. По словам старожилых охотников, бывали зимы, когда саджа и не встречалась, но такие годы составляют исключение. Охота на саджу чрезвычайно трудна. Птица очень пуглива и осторожна. Как-то раз, в декабре месяце, проплутав с двумя охотниками по степи в течение це-

лого дня вёрст 50-60 по излюбленным местам, на которых птица эта более всего держалась, после долгих подъездов и подходов нам, наконец, удалось настигнуть одну стайку и я готов был выстрелить, как стайка эта с такой быстротой снялась из-под ружья и мгновенно исчезла, что я и мои спутники долгое время стояли в изумлении от внезапной неожиданности. Единственный способ, с помощью которого удалось мне в тот год добыть саджу, это – постройка силков на краях обрывистых берегов в долине реки Кумы, на излюбленных глинисто-солончаковых местах, на которых обыкновенно чаще всего держалась эта птица.

Второй раз я наблюдал саджу в Калмыковском уезде Уральской области (1895 год) на пути следования из Гурьева в Уральск. На перегоне станция Гребенщиковская – станция Горская я встретил огромные стаи этих птиц на протяжении нескольких вёрст.

Третий раз наблюдал я саджу весной 1898 года на северном побережье Каспийского моря, к северо-востоку от устья реки Эмбы, в пределах обширной глинисто-песчаной степи, в которой кочует один из самых диких и свободолюбивых родов киргизского народа – адаевцы. 25 мая, углубясь вёрст на 40 от группы Прорвинских островов в эту часть степи, я со своими спутниками* часа в три дня, не доезжая версты 1.5 до временно устроенной для нас адаевцами стоянки (ночлега), наткнулся на гнездовья саджи. Место стоянки находилось на сравнительно высоком бугре, кругом которого молчаливо-угрюмо расстилалась ровная, бесконечно однообразная степь, сплошь покрытая травянистой растительностью, свойственной глинисто-песчаной почве. На общем фоне этой последней выступали чёрные пятна солончаков. Гнездовья саджи находились там, где солончаки приходили в соприкосновение с глинистой почвой. При осмотре этой местности нами найдено было пять маленьких отдельных колоний. На каждом таком месте имелось по несколько гнёзд с яйцами: в одном было 9 гнёзд, в другом и третьем – по 11, в четвёртом и пятом – по 15. Гнёзда находились одно от другого на расстоянии 1-2 аршин; они представляли собой простые углубления или небольшие ямки вершка в 3 глубиной и вершков в 8-9 шириной. На дне ямок без всякой подстилки лежало неодинаковое число – от 2 до 3 яиц глинисто-оливкового цвета с бурыми неправильными пестринками. Возле каждого гнезда на некотором расстоянии попадались более плоские и менее широкие углубления, назначение которых выяснилось позже. На гнёздах, как и вблизи них, не было

* По поручению Министерства земледелия и государственного имущества мне предстояло в том году ознакомиться с побережьем Каспийского моря к востоку от реки Эмбы для выяснения гнездилищ перелётной саранчи. В моё распоряжение администрацией Уральской области предоставлено было парусное судно с экипажем в 8 человек. Из Гурьева на этом судне я выехал в сопровождении: уездного врача Я.И.Залубецкого, податного инспектора К.И.Кориковского, помощника уездного начальника Гр.К.Бизанова и атамана станицы Гурьевской С.А.Казанцева.

ни одной птицы. В то время я ещё не был знаком с яйцами саджи; не знали их и мои спутники; поэтому ни я, ни мои спутники не могли решить, какой птице принадлежали эти гнёзда. Сопровождавшие нас адаевцы вывели нас из затруднения. На наши расспросы они заявили нам, что это гнёзда бульдерюка, как они называют саджу. По словам адаевцев, бульдерюки днём редко находятся на местах, где гнездятся. Обыкновенно с утра, как только обогреется степь, они улетают, затем возвращаются на короткое время и снова улетают до полудня, и на этот раз на более продолжительное время; после того они возвращаются только за час или полчаса до заката солнца. В справедливости последнего мы не замедлили убедиться. Часов около шести саджи заявили о своём прилёте характерным криком, похожим на трещание. Слетались они стайками и быстро опускались близ мест своих гнездовий. Несколько минут спустя птицы разбивались на пары, самки садились на гнёзда, а самцы некоторое время, переваливаясь с ноги на ногу, ходили в траве и, казалось, обшаривали места, прилежащие к гнёздам. Как только угас последний луч заходящего солнца, самцы прекратили возню и устроились на ночлег возле гнёзд, в отмеченных выше плоских углублениях, находившихся поблизости гнёзд. На следующий день с восходом солнца я наблюдал большое оживление среди саджей: птицы словно что предчувствовали, они обнаруживали беспокойство и время от времени издавали отрывистые крики, похожие, как удачно охарактеризовал М.Н.Богданов, – на трещание. Внезапный выстрел доктора всполошил всю колонию; саджи мгновенно поднялись и быстро исчезли из глаз. Для меня были убиты две саджи – самка и самец, и я взял несколько яиц; последние были сильно насижены. К 6 часам утра мы покинули нашу стоянку, а птицы ещё не возвращались на место гнездовий.

В том же году во время моего пребывания в Уральской области, в Гурьевском уезде, я наблюдал саджу ещё раз на Индерском озере. Это было в конце июня. Я посетил Индерское озеро и его окрестности совместно с гурьевским уездным начальником М.И.Дубровиным. Но восточном берегу озера в одном из киргизских кочевий, где мы остановились для отдыха после дневного переезда верхами по бесконечной степи, мы увидели в юрте молодёнку красивую саджу. Она была совершенно ручная и очень спокойная, жила совместно с двумя-тремя домашними курами, имевшимися в юрте. Питалась саджа всем тем, что служило кормом для кур: ела хлеб и охотно пила молоко. Само собой разумеется, я приобрёл её и она доставляла мне в пути большое удовольствие. Довести её до Петербурга мне, однако, не удалось. Не доезжая Уральска, на станции Чеганаковской, где нам пришлось заночевать, по недосмотру моему она была загрызена вбежавшей в комнату в моё отсутствие собакой.

В пятый раз я наблюдал саджу в Каракумской пустыне в 1899 году во время пребывания экспедиции по изучению ядовитого паука каракурта *Latrodectus tredecimguttatus* в урочище «Кара-Чингиль». В течение двух месяцев, ежедневно и притом регулярно часов около 8-9 утра, над нашей стоянкой пролетали стайки в 5-12 штук саджей, всякий раз оглашая воздух коротким и отрывистым «кекерик, кекерик». Саджи слетались на разливы Сырдарьи, находившиеся в 2-3 вёрстах от места нашей стоянки. На этих разливах я не раз подстерегал их с ружьём, но убить мне удалось всего лишь одну саджу, и то случайно. В половине июня киргизы мне доставили одну молодую саджу. Она жила у меня целый месяц в палатке и в моей юрте. Быстро обручнела, но в одно прекрасное утро я нашёл её издохшей – в палатке, где у меня помещалось до 50 гнёзд с пауком каракуртом. Ввиду того, что скармливание ей каракуртов в пору их ядовитости не производило никакого действия на неё, то оставалось одно предположение, не была ли она укушена этим ядовитым пауком. Вскрытие, к сожалению, не дало никаких точных указаний на правильность такого предположения.

В шестой раз я наблюдал саджу в октябре месяце 1902 года в Закавказье, в той части Муганской степи, которая прилегает к правому берегу реки Аракс, вёрстах в 25-30 от Беграм-Тапинского поста. Здесь саджу мы встретили три раза небольшими стаями в 10-20 штук. Сопровождавший меня в этом путешествии спутник мой, исправляющий обязанности уездного начальника подполковник М.И.Измаильский, страстный охотник, стрелял по ним на лету из винтовки и убил одну саджу.

Наконец, последние мои наблюдения над саджей относятся к текущему, 1908 году. В нынешнем году я наблюдал её в Днепровском уезде Таврической губернии и имел о ней сведения из Перекопского уезда той же губернии. 25 апреля, воспользовавшись упомянутым выше приглашением, я посетил хутор своего знакомого, отстоявший от города Алёшек на 30-40 вёрст, где в тот же день мне указаны были места пребывания саджи. Саджа держалась здесь небольшими стайками в ближайших к хутору посевах хлебов. То обстоятельство, что птицы всё время находились в хлебах, затрудняло наблюдение за ними. Тем не менее, удалось констатировать, что саджа и вне своей родины, в чуждых ей условиях и обстановке, продолжала вести обычный образ жизни. Саджи держались маленькими стайками, изолированно одна от другой. Время от времени стайки вылетали из хлебов и через продолжительные промежутки времени возвращались в них. В хлебах птицы держались на близком расстоянии друг от друга; при малейшей опасности все разом поднимались с места, стаивались и улетали, совершенно исчезая с горизонта. Вне хлебных посевов саджи попадались мне и на озёрах и других водоёмах с пресной водой, где они по целым

часам купались и грелись на солнце; мало того — играли и гонялись за кобылками и другими насекомыми. В последней роли саджи, благодаря своей своеобразной неуклюжей походке, представляли довольно забавное зрелище.

Саджи продержались в хлебах этой местности весь апрель и май. В конце мая был пойман, как мне сообщали, один птенец, который, к сожалению, попал в моё отсутствие в руки одного любителя птиц в Херсоне и погиб безвозвратно. Во всяком случае, факт этот свидетельствует, что саджа у нас в этом году в Днепровском уезде выводила птенцов.

Что касается Перекопского уезда, то один из народных учителей передавал мне, что в апреле месяце в этом уезде появлялись огромные стаи этой птицы и также выводили птенцов, так как в мае находили в хлебных полях яйца, несомненно, принадлежавшие этой птице.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1845: 5197-5200

Наблюдения над жизнью птиц в неволе: поползень *Sitta europaea*

К.В.Лауниц

Второе издание. Первая публикация в 1911*

Осенью 1905 года один из моих постоянных поставщиков птиц предложил мне купить у него только что пойманного поползня. Я с радостью ухватился за его предложение, так как давно уже мне хотелось понаблюдать за этой интересной птичкой. Первое, что меня заинтересовало в ней, было то, что несмотря на кратковременное пребывание в клетке, поползень не бился в ней, как это делает большинство птиц, а при моём приближении к клетке старался только переместиться в дальний угол. На другой день я его пересадил из клетки в террариум, где он сразу почувствовал себя очень уютно.

Кстати, воспользуюсь удобным случаем сообщить здесь о выгодах содержания птиц в стеклянных террариумах, в чём я убедился сам на множестве примеров.

Во-первых, птица, содержащаяся в большом и соответственно обставленном террариуме, чувствует себя гораздо спокойнее ввиду того, что может запрятаться в середину ветвей от подходящего человека. Во-вторых, сама жизнь птицы вследствие более натуральной обстановки

* Лауниц К.В. 1911. Наблюдения над жизнью птиц в неволе // *Птицеведение и птицеводство* 2, 3/4: 4-10.

становится более схожей с её жизнью на воле и уже в силу одного этого наблюдения за нею много интереснее, чем в клетке. С другой же стороны, террариум удобнее ещё том, что даже самая пугливая птица, посаженная в него, не может разбиться, налетая на стёкла, вследствие его небольшой ширины, а также не может и обивать себе в кровь клюв, просовывая его между проволочными прутьями клетки.

Кроме всех вышеперечисленных достоинств, содержание птиц в стеклянном террариуме допускает возможность держать их на окне и тем самым дать им возможность пользоваться необходимым светом. Держать же птиц на окне в клетке не рекомендуется, так как даже наиболее выносливые из них очень чувствительны к простуде и зачастую гибнут от тяги холодного воздуха из щелей рам.

Мой террариум был устроен следующим образом. Длина и ширина его соответствовали длине и ширине подоконника. Вышина была полтора аршина. Стенки, прилегавшие к окну, боковые и потолок были стеклянные; внутренняя же, обращённая в комнату, состояла из трёх частей: средняя, она же дверца из стекла, и две боковые из мелкой проволочной сети, для вентиляции. Сетка эта не могла представлять опасность для птиц ввиду того, что испуганная или вообще пугливая птица бросается всегда по направлению к свету и, во всяком случае, в направлении, обратном появлению человека.

Внутренность террариума устраивалась у меня каждый раз соответственно с тем, кого предполагалось держать в нём.

Итак, я стал устраивать для своего питомца вышеописанный террариум. Обстановку этой импровизированной квартиры для своего пленника я постарался устроить, придерживаясь в пределах возможности его вкусов. Обе боковые стенки были покрыты старой сосновой корой с большими щелями. Пол я устроил из земли, смешанной с песком, слегка сырой и плотно убитой, а сверху на неё насыпал слой опавшей хвои сосны, которая по мере загрязнения сметалась и на её место насыпалась свежая. В середине были врыты спиленные у корня нетолстые стволы берёз и сосен, доходивших до самого потолка со вставленными в них прутьями. В одном стволе берёзы, немного потолще других, помещалось искусственное дупло. Между стволами внизу вставлялась довольно плоская овальная цинковая чашка в виде небольшой лужицы, где мой пленник охотно купался.

Когда всё было приготовлено, я взял порядочное количество мучных червей, рассажал их по щелям в сосновой коре и, наконец, выпустил поползня в его новую квартиру.

Как только за ним закрылась дверца, он тотчас же вскочил на одну из ветвей, поднял забавно пёрышки на головке и несколько раз окинул своё новое жилище критическим взглядом. Моё неосторожное движение испугало его и, бросившись в окно, он был, видимо, крайне оза-

дачен, скользнув по стеклу вниз. После этого я решил не мешать ему своим присутствием и, выйдя за дверь, стал наблюдать за ним в дверную щель.

Лишь только он убедился, что я ушёл, тотчас же начал исследовать своё новое помещение.

Первое, что привлекло его внимание, была сосновая кора, где он, вероятно, расслышал копошившихся мучных червей и, вскочив на неё, он начал разыскивать и уничтожать их, что, видимо, доставляло ему большое удовольствие, так как и впоследствии он более охотно поедал их, доставая из щелей коры, чем из рук. Покончив с червями, он ещё долго осматривал все закоулки, лазая по коре то вверх, то вниз головой. Затем, спустившись вниз головой по одному из стволов к воде, он утолил жажду и принялся за дальнейший осмотр.

Облазав все стволы, он наконец добрался до дупла, которое я предварительно выложил сначала опилками, а затем мхом, пёрышками и волосом. Забавно было смотреть, как он осторожно заглядывал внутрь дупла, отскакивал назад и затем снова с любопытством просовывал внутрь голову. Когда он удостоверился вполне, что с этой стороны ему не грозит опасность, он всё же с большой осторожностью залез весь внутрь дупла. Через несколько секунд он показался снова, затем влез опять и вообще начал беспокоиться. В это время меня отозвали, и когда я снова подошёл к дверной щёлке, то увидел, что мой пленник весь поглощён трудной работой – вытаскиванием из дупла подстилки, которая, видимо, пришлась ему не по вкусу. Работа осложнялась тем, что части подстилки сцепились довольно крепко между собой и не хотели проходить через узкое отверстие дупла.

Надо было видеть, с какой настойчивостью поползень старался вытащить её наружу. Он то прицеплялся к стволу вниз головой над дуплом и изо всех сил дёргал подстилку вверх, то спускался по стволу под дупло и тащил вниз. Наконец труды его венчались успехом. Самый большой кусок подстилки был извлечён и сброшен вниз; за ним последовали более мелкие части и в дупле остались только одни древесные опилки. Когда он в конце концов покончил с этой работой, стало темно. Я ушёл и снова был около террариума, когда уже порядочно стемнело. Осмотрев его, я не нашёл поползня и решил, что он забрался в дупло. При осторожном постукивании в стекло тотчас из дупла показалась головка встревоженной птички. Удостоверившись, что поползень в дупле, я оставил его в покое. Проснувшись на следующее утро, я увидел, что мой питомец основательными ударами клюва исследовал прочность стеклянных стенок террариума. Впрочем, нужно отдать ему справедливость, долго за этим делом он не возился, так как удостоверившись в прочности стен своей квартиры, он решил оставить все попытки улизнуть на свободу и вполне примирился со своей участью.

Ввиду того, что поползни неохотно спускаются на землю, я, устроив ему кормушки из коры, прибил их к стволу, куда и всыпал корм, состоявший из муравьиных куколок, конопляного семени и прибавлявшихся туда в виде лакомства мучных червей.

Хотя в случае надобности поползень довольно ловко прыгал по земле, тем не менее даже и для питья он предпочитал спускаться головою вниз по стволу и в таком неудобном положении утолял свою жажду. Еда занимала у него очень много времени, так как каждое зёрнышко конопля он сначала всовывал в какую-нибудь трещину коры, затем разбивал ударом клюва скорлупу и съедал содержимое, после чего летел за новым зёрнышком. Так продолжалось до тех пор, пока он не утолял окончательно свой голод; но и после того он не любил проводить время праздно, сидя на одном месте, как это делал другой мой питомец свиристель, о котором речь впереди; и потому начинал запрятывать оставшиеся зёрнышки конопля про запас в различные щели. Мучных червей и муравьиные куколки ему не приходилось прятать, так как я не помню случая, чтобы после кормёжки у него оставалась хоть одна куколка. Когда голод был утолён, он отправлялся к воде, сначала пил прицепившись головою вниз к стволу и, наконец, слетал на край чашки выкупаться, после чего начинал усиленно двигаться для того, чтобы просохнуть. Перелетал со ствола на ствол; лазал по ним то вверх, то вниз головой, иногда даже, крепко вцепившись лапками в ветку, махал усиленно крыльями.

Пообсохнув, он почти регулярно забирался в дупло, где просиживал иногда до получаса и, окончательно высохнув и проголодавшись, после всех этих манипуляций принимался снова за еду, отыскивая запрятанные им зёрна.

Скоро он настолько привык, что не выказывал ни малейшего признака боязни, когда я, убирая его помещение, просовывал руку внутрь террариума. Прожил он у меня всю зиму, доставляя мне много наслаждения своим милым и весёлым нравом.

Весной он начал беспокоиться, стал меньше есть и снова начал делать попытки вырваться на волю. Очевидно, его маленькое сердечко защемила тоска по привольным далёким лесам, несмотря на жизни в довольстве; «...весной и счастливых тянет вдаль», — сказал ещё Тургенев, и потому я решил расстаться со своим маленьким другом. Пересадил его в клетку, вывез за город и выпустил на волю. Умная птичка сразу заметила раскрытую дверцу; вылетела на ближайшую сосну, перелетела на другую, третью и через несколько минут скрылась из глаз.

Наблюдения над жизнью птиц в неволе: свиристель *Bombycilla garrulus*

К.В.Лауниц

*Второе издание. Первая публикация в 1911**

Проходя раз в середине зимы по Сытному рынку, служащему у нас в Петербурге по праздникам птичьей биржей, я заинтересовался сидевшим свободно в клетке свиристым, которого торговец выдавал за прирученного. Погода была плохая; торговля шла вяло и птичник так настойчиво и дешево предлагал мне эту птицу, что я согласился наконец взять свиристого, тем более что мне ни разу не доводилось держать этого красавца в неволе.

Я вообще большой враг клеток, а потому, пользуясь случаем, что свиристель не делал даже ни малейшей попытки полетать, решил оставить его в комнате на свободе, посадив его на нашест вроде тех, на которые сажают попугаев, с кормушкой и питейкой по сторонам.

Не знаю, что умудрился проделать торговец над бедной птицей, но по крайней мере недели полторы свиристель мой не выказывал ни малейшего страха ни при моем приближении, ни даже при глажении его рукой, и не меняя позы сидел, слегка нахохлившись на своем нашесте. За неимением ничего другого под рукой, я начал кормить его можжевельной ягодой, которую он истреблял, особенно в последующее время своего пребывания у меня, в громадном количестве, так что я перебрал в короткое время весь наличный запас из двух ближайших аптекарских магазинов.

Мало-помалу свиристель стал выходить из того апатичного состояния, в котором он пребывал всё это время, и по временам, сидя на нашесте, стал разминать свои крылья. Однажды, зайдя в то помещение, в котором жил мой свиристель, я нашёл его переместившимся на другую половину комнаты, где он сидел в своей обычной позе на вешалке для платьев. При попытке взять его на палец он слетел и сел на окно, к счастью не ударившись в стекло.

После этого раза, убедившись в крепости своих крыльев, он стал не только не ручнее, но, наоборот, много пугливее, чем прежде, и воздушные путешествия его сделались и чаще, и продолжительнее; он облетал комнату в круг раз пять-шесть, сопровождая каждую такую воздушную экскурсию небольшой, но чистой трелью; остальное же всё время проводил, сидя спокойно, слегка нахохлившись, где-нибудь на

* Лауниц К.В. 1911. Наблюдения над жизнью птиц в неволе // *Птицеведение и птицеводство* 2, 3/4: 4-10.

карнизе или вешалке. Купался он охотно и часто, но после того вёл себя совершенно обратно поползню, предпочитая высыхать, сидя на одном месте, если его только не тревожили.

Единственно, что выводило его из апатичного состояния — это еда. На этой почве мне удалось даже заставить его проделывать следующий фокус. Когда он садился на какое-нибудь возвышение в комнате, я начинал бросать, целясь прямо в него, ягоды можжевельника.

Первое время его это пугало, но довольно скоро он освоился с этим и стал делать попытки поймать ягоду в воздухе.

В короткое время он достиг в этом такого совершенства, что редкая ягода миновала его рта. Даже когда он видел, что ягода не долетит или брошена слишком в бок, он снимался и с ловкостью, которую я никак не мог подозревать у этого флегматика, ловил ягоды в летящем положении. Пил он столь же неумеренно, как и ел, помногу и громадными глотками.

Я думаю, что обжорство свиристелей происходит потому, что пища в их желудке пребывает настолько короткое время, что не успевает перевариться, в чём легко убедиться, так как не только зёрна, но зачистую и мякоть ягоды проходит через него, совершенно не изменившись. Чтобы убедиться, могут ли такие зёрна прорасти, я взял некоторое количество их и посадил в цветочный горшок. Скоро я удостоверился, что часть их дала ростки.

Отсюда видно, что свиристели являются разносителями ягодных растений, чем приносят несомненную пользу.

К лету мой питомец начал питаться, кроме ягод, ещё появившимися мухами и свежими муравьиными куколками. Мух он ловил очень ловко, гоняясь за ними по комнате и на стёклах окна, причём никогда не налетал на само стекло.

Весна не оказала на него никакого влияния, он не стал ни меньше есть, ни беспокоиться, как это делало большинство моих пленников.

Продержав свиристеля всё лето, которое он перенёс довольно хорошо, изредка только сидя с раскрытым клювом в самую жару, я выпустил его в конце августа, когда рябина уже поспела.

Выпущенный на свободу, он сразу взвился вверх и исчез в туманной осенней дали.

Гнездо в чайнике и другие интересные случаи гнездования горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros*

Н.П.Кныш

Николай Петрович Кныш. Гетманский национальный природный парк. Ул. Вознесенская, д. 53в, г. Тростянец, Сумская область, 42600, Украина. E-mail: knysh.sumy@email.ua

Поступила в редакцию 3 ноября 2019

Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros* на Украине, в частности в её северо-восточном регионе – ярко выраженный синантроп, в настоящее время занимающий существенное место в орнитокомплексах городских и сельских населённых пунктов (Кныш 2013). Способность этой птицы приспосабливаться к гнездованию в условиях поселений человека поразительна. На Сумщине гнёзда чернушек мне приходилось находить в самых неожиданных местах, как снаружи различных малоэтажных строений – 24 гнёзда (40%), так и внутри брошенных или полужилых помещений – 36 гнёзд (60%).

Рис. 1. Гнездо горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros* в уголке под сараем. Село Вакаловщина, Сумская область. 26 апреля 2012. Фото Н.П.Кныша.

При «наружном» гнездовании горихвостки-чернушки выбирают всевозможные укрытия – вместительные ниши, полости и уголки (рис. 1),

в частности, за наличниками окон (1 случай), под навесом и коньком крыльца (7), карнизом крыши (2), под баком летнего душа (1), на углу сруба деревянной хаты (1), в полостях бетонных конструкций зданий (4) и между кирпичами в стене дома (1), в специально прибитых плоских гнездовых ящиках под скатами крыши и на стенах сараев (5), жестяной банке под крышей навеса (1) и, наконец, в надетом на кол чайнике (1 случай).

Внутри помещений чернушки чаще всего занимают старые гнёзда деревянной ласточки *Hirundo rustica*, в том числе находящиеся в хлевах и погребнице (8 случаев), комнатах и залах (8), выступы и широкие ниши кирпичных и деревянных стен (6), полки (5), карниз камина (1), элементы настенного оборудования (электросчётчик, распределительный щит, коробка кабельного телевидения – рис. 2) (3 случая). Гнёзда на чердаках домов и сараев располагались на перекладинах (3) и кронштейнах (1), а также в кастрюле со старым гнездом домашнего голубя *Columba livia* (1 случай).

Рис. 2. Гнездо горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros* на коробке кабельного ТВ.
Город Сумы. 2 июля 2012. Фото А.С.Ситниченко.

Во внутренние помещения чернушки с лёгкостью проникают через неплотно закрытые двери, выбитые окна, всевозможные проёмы и щели достаточного размера. В этом отношении они превосходят остальных наших птиц, в первую очередь деревянную ласточку. В благоприятных местах птицы вторично поселяются в оставшемся после вылета птенцов первом гнезде, при этом лишь несколько подновляя выстилку

лотка. Удобные гнездовые точки могут использоваться неоднократно в смежные или же в разные годы. Подобная приверженность чернушек к одним и тем же местам гнездования отмечалась и в других странах (Menzel 1983; Cramp 1988).

Рис. 3. Дворик дачной усадьбы – место обитания горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros*. Село Вакаловщина, Сумский район, Сумская область. 28 мая 2016. Фото Н.П.Кныша.

Многие приведённые здесь, а также отмеченные в литературе интересные случаи, свидетельствующие о поразительной пластичности горихвостки-чернушки в выборе мест для устройства гнезда, кажется, уже не вызывают удивления. Кроме, пожалуй, двух самых необычных из них: открытого гнездования за пределами населённых пунктов – в заросли крапивы на её стеблях (Скільський 1992) и среди растительности влажного сенокосного луга на высоте 0.5 м от земли (Годованець 1993). Среди наблюдавшихся мною «обычных» для этой птицы мест гнездования заслуживает внимания гнездо, построенное в старом эмалированном чайнике, висящем на колышке в перевёрнутом положении на высоте 1.2 м от земли (рис. 3). Оно было обнаружено в 2016 году в небольшом дворике дачной усадьбы в селе Вакаловщина Сумского района. Выпуклый изгиб полости чайника с одной стороны был частично заполнен гнездовым материалом, его ручка служила удобной присадой взрослым птицам для проникновения в гнездо (рис. 4).

Рис. 4. Гнездо горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros* в чайнике в дворике дачной усадьбы. Село Вакаловщина, Сумский район, Сумская область. 28 мая 2016. Фото Н.П.Кныша.

18 мая в этом гнезде рукой прощупывались 4 недооперённых птенца. Неделий позже гнездо уже пустовало после их вылета. Повторно этот чайник горихвостками не использовался ни в этом сезоне, ни в последующие три года.

Выражаю признательность Л.С.Ситниченко и В.М.Белику за информацию об интересных случаях гнездования горихвостки-чернушки на Сумщине и предоставленные фотографии.

Литература

- Годованець Б.Й. 1993. Незвичайне гніздування чорної горихвістки // *Беркут* 2: 33.
 Кныш Н.П. 2013. Горихвостка-чернушка (*Phoenicurus ochruros*) на северо-востоке Украины // *Беркут* 22, 2: 122-132.
 Скільський І.В. 1992. Випадок незвичайного гніздування горихвістки чорної // *Беркут* 1: 121.
 Cramp S. (Ed.). 1988. *The Birds of the Western Palearctic*. Vol. 5. Tyrant Flycatchers to Thrushes. Oxford Univ. Press: 1-1084.
 Menzel H. 1983. Der Hausrotschwanz // *Neue Brehm-Bücherei* 475: 1-88.

Утепление гнёзд домовым *Passer domesticus* и полевым *P. montanus* воробьями осенью

В.А.Андреев

Валерий Аркадьевич Андреев. Ул. Карла Маркса, д. 24, кв. 2, г. Архангельск, 163000, Россия.
E-mail: valerianandreev54@gmail.com

Поступила в редакцию 5 ноября 2019

Как известно, для полевого воробья *Passer montanus* характерно осеннее токование, при котором происходит образование пар и строительство гнёзд, которые птицы затем используют для ночлега в зимний период (Носков 1981).

В октябре температура воздуха в Архангельске меняется с положительной на отрицательную. Этот температурный перелом происходит во второй половине месяца, чаще в третьей декаде. Минусовая температура вносит коррективы в жизнь синантропных видов, например, домовых воробьёв *Passer domesticus*, особенно в ночное время. Известно, что большинство домовых воробьёв ночует в своих весенне-летних гнёздах или в укрытиях, расщелинах и т.п. местах, где они устраивают гнёзда. Поэтому с понижением температуры воздуха, с приближением зимы домовые воробьи начинают собирать материал для утепления гнёзд, в которых ночуют в зимний период. Точно так же в условиях Архангельска ведут себя и полевые воробьи, собирающие материал для гнёзд при наступлении осенне-зимних холодов.

Домовый и полевой воробьи в первой половине октября начинают возвращаться в свои гнёзда. Возвращаются не все, а только часть птиц. Выбрав зимовочное гнездо, воробьи начинают таскать в него разные природные материалы (см. таблицу).

Виды строительного материала
для зимних гнёзд воробьёв и даты их сбора

Собираемый материал	<i>Passer domesticus</i>		<i>Passer montanus</i>	
	Дата	Температура воздуха	Дата	Температура воздуха
Перья, пух	19.10.2015	+5°C	07.10.2004	+6°C
	08.11.2017	+1°C	08.11.2017	+1°C
	25.10.2018	0°C	12.10.2019	+6°C
	—	—	17.10.2019	0°C
Сухая трава	18.10.2002	-5°C	09.11.2011	+2°C
	22.10.2013	-1°C		
Волокна коры, луб	—	—	28.10.2019	-3°C
Зелёная трава	—	—	29.10.2019	-4°C

В ноябре, когда обычно устанавливается устойчивый снежный покров, воробьи материалы для гнёзд не собирают: они скрыты под снегом. Поэтому к началу зимы утеплённые гнёзда для ночлега у воробьёв практически готовы.

Полевой воробей *Passer montanus*, собирающий материал для зимнего гнезда.
Центр Архангельска. 29 октября 2019. Фото автора.

В таблице представлена лишь часть сведений о материалах для зимних гнёзд, собираемых воробьями. Практически ежегодно осенью с наступлением отрицательных температур воздуха можно наблюдать, как домовые и полевые воробьи утепляют гнёзда. Чаще всего они со-

бирают перья птиц. В конце октября 2019 года один из полевых воробьёв обдирал клювом с ветки тополя волокна луба, которые относил в гнездо, другой – не сумев «нарвать» сухую траву, нащипал пучок зелёной травы (см. рисунок) и унёс в гнездо. Зелёную траву полевые воробьи носят и в весенне-летние гнёзда, что я наблюдал неоднократно, а домовые воробьи для строительства весенне-летних гнёзд используют также волокна коры тополя.

Утепление зимовочных гнёзд воробьями способствует их успешной ночёвке в зимнее время. Анализ собственных материалов круглогодичных учётов численности показывает, что весной городская популяция домовых и полевых воробьёв незначительно снижается по сравнению с её состоянием в начале зимы. Так, население домового воробья в Архангельске за зимы 2015/16, 2016/17 и 2017/18 годов снижалось с декабря по март в среднем в 1.09 раза (с 303 до 279 ос./км²), население полевого воробья – в 1.05 раза (с 552 до 524 ос./км²). Для сравнения, в эти же зимы население большой синицы *Parus major* снижалось в среднем в 1.89 раза (с 170 до 90 ос./км²), хотя синицы, как воробьи, ночуют в закрытых местах: дуплах, расщелинах, искусственных гнездовьях и т.п. Причина такой разницы в снижении численности за зимний период у домовых и полевых воробьёв, с одной стороны, и больших синиц, с другой, по-видимому, кроется в трофическом факторе.

Литература

Носков Г.А. (ред.) 1981. *Полевой воробей Passer montanus L. (Характеристика вида на пространстве ареала)*. Л.: 1-304.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1845: 5209-5211

Новое свидетельство питания фифи *Tringa glareola* сеголетками озёрной лягушки *Rana ridibunda*

Н.Н.Березовиков, И.Р.Романовская

Николай Николаевич Березовиков. Институт зоологии, Министерство образования и науки. Проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru
Ирина Рашитовна Романовская. Школа-гимназия № 6, Бишкек, Кыргызстан

Поступила в редакцию 4 ноября 2019

На одном из рыбопродуктивных прудов в окрестностях села Озёрное (43°01' с.ш., 74°54' в.д.), расположенном в сельскохозяйственных угодьях Чуйской долины (Северный Тянь-Шань), 19 сентября 2019 во

время фотографирования двух фифи *Tringa glareola*, кормившихся на илистом мелководье, наблюдали, как один из куликов схватил мелкого сеголетка озёрной лягушки *Rana ridibunda* (рис. 1, 2).

Рис. 1. Фифи *Tringa glareola* выслеживает на мелководье озёрных лягушек *Rana ridibunda*. Пруд у села Озёрное. Чуйская долина. 19 сентября 2019. Фото И.Р.Романовской.

Рис. 2. Фифи *Tringa glareola* с пойманным лягушонком в клюве. Озёрное. 19 сентября 2019. Фото И.Р.Романовской.

Рис. 3. Фифи *Tringa glareola* во время заглатывания сеголетка озёрной лягушки *Rana ridibunda*. Озёрное. 19 сентября 2019. Фото И.Р.Романовской.

Удерживая пойманного лягушонка поперёк туловища, фифи сдавливающими движениями клюва умертвил его, после чего развернул головой вперёд и с усилиями заглотил (рис. 3). Вся процедура с момента поимки до заглатывания заняла у него около 2 мин.

Это уже не первое свидетельство питания фифи ювенильными особями озёрной лягушки. Ранее в Воронежской области в летнее время наблюдалось их кормление крупными головастиками *R. ridibunda* (Соколов 2016). Случаи поедания лягушек отмечено и для других представителей рода улитов: большого улита *Tringa nebularia* (Тейлор 2019), черныша *Tringa ochropus* (Крестьянинов 1956; Березовиков 2019а) и поручейника *Tringa stagnatilis* (Березовиков 2015), а также перевозчика *Actitis hypoleucos* (Березовиков 2019б).

Литература

- Березовиков Н.Н. 2015. Поручейник *Tringa stagnatilis* поедает сеголетка озёрной лягушки *Rana ridibunda* // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1192): 3424-3425.
- Березовиков Н.Н. 2019а. Охота черныша *Tringa ochropus* за остромордыми лягушками *Rana arvalis* на городских прудах Зырянска (Юго-Западный Алтай) // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1780): 2614-2617.
- Березовиков Н.Н. 2019б. Остромордая лягушка *Rana arvalis* в добыче перевозчика *Actitis hypoleucos* на Алтае // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1810): 38-45-3846.
- Крестьянинов В.Д. 1956. Биология озёрной лягушки и её значение в прудовом рыбном хозяйстве // *Тр. Ин-та зоол. и паразитол. УЗССР* **5**: 3-46.
- Соколов А.Ю. 2016. Фифи *Tringa glareola* кормятся головастиками озёрной лягушки *Rana ridibunda* // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1302): 2309-2310.
- Тейлор Д.У. 2019. Большой улит *Tringa nebularia* съедает крупную лягушку // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1808): 3791-3792.

Значение овражно-балочных систем для птиц современной лесостепной зоны

А.С.Бондарев

Второе издание. Первая публикация в 2001*

Открытые пространства лесостепной зоны центра России представляют собой главным образом возделываемые поля. Поэтому основным убежищем для многих видов птиц в агроландшафтах являются территории, непригодные для активного сельскохозяйственного использования. Это овраги, балки, колки, русла ручьёв, заболоченные низины и т.п. Причём овраги (особенно старые, заросшие лесом) представляют собой уникальное явление: на сравнительно небольшой площади может быть представлено значительное число самых разнообразных типов сообществ.

Для выяснения видового состава и биотопического распределения птиц в овражно-балочных системах в 1997-2000 годах нами был проведён ряд учётов птиц – обитателей крупных и мелких оврагов разной стадии развития и с различным уровнем лесистости. Обследовано три крупных овражных системы общей площадью около 20 км², из них – более 7 км² байрачных лесов. Общая протяжённость маршрута составила 60 км. За период исследования нами отмечено 76 видов птиц. Большинство оврагов относится к территории заповедника «Воронинский», расположенного в долине реки Вороны в Тамбовской области, поэтому какой-либо значительной хозяйственной деятельности в них не ведётся. Овраги и балки, не относящиеся к заповедной зоне, испытывают значительную антропогенную нагрузку (перевыпас скота, частичная распашка под огороды, добыча песка и глины и т.д.).

В начальной стадии роста овраг имеет вид западины с участками открытого грунта. В подобных промоинах мы неоднократно отмечали гнездование золотистых щурок *Merops apiaster*, а в более крупных обрывах – ласточек-береговушек *Riparia riparia*. В заброшенных норах последних несколько раз отмечалось гнездование полевых воробьёв *Passer montanus*. В западинах, заросших высокотравьем, гнездятся перепел *Coturnix coturnix*, серая куропатка *Perdix perdix*, луговой чекан *Saxicola ruberta*, луговой конёк *Anthus pratensis* и полевой жаворонок *Alauda arvensis*. Обнаружено 2 гнезда лугового луня *Circus pygargus*. Кроме того, подобные низины используются многими видами как кормовая станция. Подобные западины нередко заболачиваются и зарас-

* Бондарев А.С. 2001. Значение овражно-балочных систем для птиц современной лесостепной зоны // Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии. Казань: 105-106.

тают осокой и тростником. В таких биотопах нами отмечены коростель *Crex crex*, бекас *Gallinago gallinago*, чибис *Vanellus vanellus*, белая *Motacilla alba* и жёлтая *M. flava* трясогузки. Нередко встречались кряква *Anas platyrhynchos* и чирок-трескунок *Anas querquedula*.

На более поздней стадии овраги начинают зарастать кустарником. В подобных биотопах появляются такие виды, как жулан *Lanius colurio*, садовая *Emberiza hortulana* и обыкновенная *E. citrinella* овсянки, серая славка *Sylvia communis*. По берегам ручьёв – варакушка *Luscinia svecica*, обыкновенный сверчок *Locustella naevia*, тростниковая камышевка *Acrocephalus scirpaceus*, чечевица *Carpodacus erythrinus* и нередко многие указанные выше виды. Склоны оврагов на следующей стадии покрыты молодым лесом или посадками разного состава. Такой лес, как правило, имеет вид густого жердняка с плохо развитым подлеском. Здесь нами были отмечены зяблик *Fringilla coelebs*, лесной конёк *Anthus trivialis*, на окраинах – сорока *Pica pica*. В целом жердняки не отличаются большим числом гнездящихся видов, но, по-видимому, используются многими птицами как кормовые угодья. Так, нами были отмечены частые перелёты из соседних биотопов таких видов, как щегол *Carduelis carduelis*, большая синица *Parus major*, поползень *Sitta europaea*, большой *Dendrocopos major* и малый *D. minor* пёстрые дятлы, кукушка. Максимальное же число видов (47 из 76) отмечено в старовозрастных участках леса, которые в основном представляют собой дубравы и осинники. В частности, появляются дуплогнездники (дятлы, вертишейка *Jynx torquilla*, скворец *Sturnus vulgaris*, поползень, синицы, мухоловки, горихвостка *Phoenicurus phoenicurus*), птицы верхнего яруса леса (пеночки, иволга *Oriolus oriolus*, дубонос *Coccothraustes coccothraustes*), а также врановые (сойка *Garrulus glandarius*, ворона *Corvus cornix*, ворон *Corvus corax*) и хищники (канюк *Buteo buteo*, коршун *Milvus migrans*, тетеревиатник *Accipiter gentilis*).

Отдельный биотоп представляет собой дно оврага. По нему во многих случаях текут ручьи и по их берегам формируются ивняки и ольшаники. В ивняках нами отмечены такие виды, как обыкновенный сверчок, тростниковая камышевка, чечевица, зелёная пересмешка *Hirpolais icterina*, соловей *Luscinia luscinia* и ряд лесных видов.

Видовое разнообразие овражно-балочных систем в целом значительно выше, чем участка леса или открытого ландшафта равной площади, что подтверждает высокую ценность этих местообитаний для птиц современной лесостепной зоны.

